
АРКАДИЙ ГАЙДАР
ДЫМ в ЛЕСУ
Детгиз 1963

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ДЫМ В ЛЕСУ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

Р2
Г14

Рисунки А. Ермолаева

Моя мать училась и работала на большом новом заводе, вокруг которого раскинулись дремучие леса.

На нашем дворе, в шестнадцатой квартире, жила девочка. Звали её Феня. Её отец был лётчиком.

Однажды, когда Феня стояла на дворе и смотрела на небо, на неё напал незнакомый вор-мальчишка и вырвал из её рук конфету.

Я в это время сидел на крыше дровяного сарая и глядел на запад, где далеко за рекой Кальвой, как говорят, на сухих торфяных болотах, горел вспыхнувший позавчера лес.

Но огня я не увидел, а разглядел только облачко белесоватого дыма, едкий запах которого доносился к нам до посёлка и мешал людям сегодня ночью спать.

Услыхав жалобный Фенин крик, я, как ворон, слетел с крыши и вцепился в спину мальчишки. Он

взвыл от страха. Выплюнул уже засунутую в рот конфету и, ударив меня в грудь локтем, умчался прочь.

Я сказал Фене, чтоб она не орала, и строго-настрого запретил ей поднимать с земли конфету. Потому что если все люди будут доедать уже обсосанные кем-то конфеты, то толку из этого получится мало.

А чтобы даром добро не пропадало, мы подманили серого кутёнка Брутика и запихали ему конфету в пасть. Он сначала пищал и вырывался — должно быть, думал, что суют чурку или камень. Но когда раскусил, то весь затрясся, задёргался от радости и стал нас хватать за ноги.

— Я бы попросила у мамы другую, — задумчиво сказала Феня, — только мама сегодня сердитая и, пожалуй, другой не даст.

— Должна дать, — решил я. — Пойдём к ней вместе. Я расскажу, как было дело, и она над тобой, наверное, сжалится.

Тут мы взялись за руки и пошли к тому корпусу, где была шестнадцатая квартира. А когда мы переходили по доске канаву, ту, что разрыли водопроводчики, то я крепко держал Феню за воротник, потому что было ей тогда года четыре, ну, может быть, пять, а мне уже давно пошёл двенадцатый.

Мы поднялись на самый верх и тут увидели, что следом за нами по лестнице пыхтит и карабкается хитрый Брутик.

* * *

Дверь в квартиру была не заперта, и едва мы вошли, как Фенина мать бросилась дочке навстречу. Лицо её было заплакано. В руке она держала голубой шарф и кожаную сумочку.

— Горе ты моё горькое! — воскликнула она, подхватывая Феню на руки. — И где ты так измызгалась, извазякалась? Да сиди же ты и не вертись, не-

счастливое созданье! Ой, у меня и без тебя беды немало!..

Всё это она говорила быстро-быстро. А сама то хватала конец мокрого полотенца, то расстёгивала грязный Фенин фартук. Тут же смахивала со своих щёк слёзы и, видать, куда-то очень торопилась.

— Мальчик, — попросила она, — ты человек хороший. Ты мою дочку любишь. Я через окно всё видела. Останься с Феней на час в квартире. Мне очень некогда. А я тебе тоже когда-нибудь добро сделаю.

Она положила руку мне на плечо, но её заплаканные глаза глядели на меня холодно и настойчиво.

Я был занят, мне пора было идти к сапожнику за мамиными ботинками, но я не смог отказаться и согласился, потому что когда о таком пустяке человек просит такими настойчивыми, тревожными словами, то, значит, пустяк этот совсем не пустяк и, значит, беда ходит где-то совсем рядом.

— Хорошо, мама, — вытирая мокрое лицо ладонью, обиженным голосом сказала Феня. — Но ты дай нам за это что-нибудь вкусное, а то нам будет скучно.

— Возьмите сами, — ответила мать, бросила на стол связку ключей, торопливо обняла Феню и вышла.

— Ой, да она от комода все ключи оставила! Вот чудо! — стаскивая со стола связку, воскликнула Феня.

— Что же тут чудесного? — удивился я. — Мы ведь свои люди, а не воры и не разбойники.

— Мы не разбойники, — согласилась Феня. — Но когда я в тот комод лазаю, то всегда что-нибудь нечаянно разбиваю. Или вот недавно разлилось варенье и потекло на пол.

Мы достали по конфете да по прянику, а кутёнку Брутику кинули сухую баранку и намазали нос мёдом.

* * *

Мы подошли к распахнутому окошку.

Гей! Не дом, а гора. Как с крутого утёса, отсюда видны были и зелёные поляны, и длинный пруд, и кривой овраг, за которым один рабочий убил зимой волка. А кругом леса, леса...

— Стой, не лезь вперёд, Фенька! — вскрикнул я, сталкивая её с подоконника. И, закрывшись ладонью от солнца, я глянул в окно.

Что такое? Это окно выходило совсем не туда, где речка Кальва и далёкие, в дыму, торфяные болота. Однако не больше как в трёх километрах из чащи леса поднималась густая туча крутого тёмно-серого дыма. Как и когда успел туда пожар перейти, это было мне непонятно.

Я обернулся. Лёжа на полу, Брутик жадно грыз брошенный Феней пряник, а сама Феня стояла в углу и смотрела на меня злыми глазами.

— Хулиган! — сердито сказала она. — Тебя мама оставила со мной играть, а ты зовёшь меня Фенькой и от окна толкаешься. Возьми тогда и уходи совсем из нашего дома!

— Фенечка, — позвал я, — беги сюда скорее, смотри, что внизу делается!

Внизу же делалось вот что.

Промчались галопом по улице два всадника.

С лопатами за плечами мимо памятника Кирову по круглой Первомайской площади торопливо прошагал отряд человек в сорок.

Распахнулись главные ворота завода, и оттуда выкатились пять грузовиков, набитых людьми до отказа. С воем обгоняя пеший отряд, грузовики исчезли за поворотом у школы.

Внизу по улицам стайкой шныряли мальчишки. Они, конечно, всё уже разнюхали, разузнали. Я же должен был сидеть и караулить девчонку. Обидно!

Но, когда наконец завыла пожарная сирена, я не вытерпел.

— Фенечка, — попросил я, — ты посиди здесь одна, а я ненадолго во двор сбегаю.

— Нет, — отказалась Феня, — теперь я боюсь. Ты слышишь, как оно воет?

— Экое дело, воет! Так ведь это труба, а не волк воет! Что она тебя, съест, что ли? Ну хорошо, ты не хнычь. Давай с тобой вместе во двор спустимся. Мы там постоим минутку — и назад.

— А дверь? — хитро спросила Феня. — Мама от двери ключей не оставила. Мы хлопнем, замок защёлкнется, и тогда как? Нет, Володька, ты уж лучше сядь тут и сиди.

Но мне не сиделось. Поминутно бросался я к окну и громко досадовал на Феню:

— Ну почему я должен тебя караулить? Что ты, корова или лошадь? Или ты не можешь маму одна дождаться? Другие девчонки всегда сидят и дожидаются. Возьмут какую-нибудь тряпку, лоскутик... куклу сделают — ай-ай, бай-бай. Ну, не хочешь тряпку — сидела бы слона рисовала, с хвостом, с рогами.

— Не могу, — упрямо ответила Феня. — Я если одна останусь, то могу открыть кран, а закрыть позабуду. Или могу разлить на стол всю чернильницу. Вот один раз упала с плиты кастрюля, в другой раз застрял в замке гвоздик. Мама пришла, ключ толкала-толкала, а дверь не отпирается. Потом позвала дядьку, и он замок выломал. Нет, — вздохнула Феня, — одной оставаться очень трудно.

— Несчастная! — завопил я. — Кто ж это тебя заставляет открывать кран, опрокидывать чернила, спихивать кастрюли и заталкивать в замок гвозди? Я бы на месте твоей мамы взял верёвку да вздул тебя хорошенько.

— Дуть нельзя, — убеждённо ответила Феня

и с весёлым криком бросилась в переднюю, потому что вошла её мать.

Быстро и внимательно посмотрела она на свою дочку. Оглядела комнату и, усталая, опустилась на диван.

— Пойди вымой лицо и руки, — приказала она Фене. — Сейчас за нами придёт машина, и мы поедем на аэродром к папе.

Феня взвизгнула, наступила на лапу Брутику, сдёрнула с крючка полотенце и, волоча его по полу, убежала на кухню.

Меня бросило в жар. Я ещё ни разу не был на аэродроме, который находился километрах в пятнадцати от нашего завода.

Даже в День авиации, когда всех школьников возили туда на грузовиках, я не поехал, потому что перед этим я выпил четыре кружки холодного квасу, чуть не оглох и, обложенный грелками, целых три дня лежал в постели.

Я проглотил слюну и осторожно спросил у Фениной матери:

— И долго вы там с Феней на аэродроме будете?

— Нет. Мы только туда и сейчас же обратно.

Пот выступил на моём лбу, и, вспомнив обещание сделать для меня добро, набравшись смелости, я попросил:

— Знаете что, возьмите и меня с собой на аэродром.

Фенина мать ничего не ответила и, казалось, просьбы моей не слыхала. Она подвинула к себе зеркальце, провела напудренной ватой по своему бледному лицу, что-то прошептала, потом поглядела на меня.

Должно быть, вид мой был очень смешон и печален, потому что, слабо улыбнувшись, она одёрнула съехавший мне на живот пояс и сказала:

— Хорошо! Я знаю, что ты любишь мою дочку. И, если тебя дома отпустят, тогда поезжай.

— Мама, — взмолился я. — Можно я поеду с Феней и её матерью на аэродром?

— Он меня вовсе не любит, — вытирая лицо, сурово ответила из-под полотенца Феня. — Он обозвал меня коровой и сказал, чтобы меня дули.

— Но ты же меня, Фенечка, первая обругала, — испугался я. — И потом, я просто пошутил. Я же за тебя всегда заступаюсь.

— Это верно, — с азартом растирая полотенцем щёки, подтвердила Феня. — Он за меня всегда заступается. А Витька Крюков только один раз. А есть такие, сами хулиганы, что ни одного раза.

* * *

Я помчался домой, но во дворе наткнулся на Витьку Крюкова. И тот не переводя духа выпалил мне разом, что через границу к нам пробрались три белогвардейца и это они подожгли лес, чтобы сгорел наш большой завод.

Тревога!

Я ворвался в квартиру, но тут было всё тихо и спокойно. За столом, склонившись над листом бумаги, сидела моя мама и маленьким циркулем наносила на чертёж какие-то кружочки.

— Мама, — взволнованно окликнул я, — ты дома?

— Осторожней, — ответила мать, — не тряси стол.

— Мама, что же ты сидишь? Ты уже слышала про белогвардейцев?

Мать взяла линейку и провела по бумаге длинную тонкую чёрточку.

— Мне, Володька, некогда. Ну, перебежали. Ну, их и без меня скоро поймают. Ты бы сходил к сапожнику за моими ботинками.

— Мама, — взмолился я, — до того ли теперь? Можно, я поеду с Феней и её матерью на аэродром? Мы только туда и сейчас же обратно!

— Нет, — ответила мать. — Это ни к чему.

— Мама, — настойчиво продолжал я, — помнишь, как вы с папой хотели взять меня на машине

в Иркутск? И я уже собрался, но пришёл ещё какой-то товарищ. Места не хватало, и ты тихонько попросила (тут мать оторвалась от чертежа и на меня посмотрела), и ты меня попросила, чтобы я не сердился и остался. И я тогда не сердился, замолчал и остался. Ты это помнишь?

— Да, теперь помню.

— Можно, я с Феней поеду на машине?

— Можно, — ответила мать и огорчённо добавила: — Варвар ты, а не человек, Володька! У меня и так времени в обрез до зачёта, а теперь я сама должна идти за ботинками.

— Мама, — счастливо забормотал я, — а ты не жалей... Ты надень свои новые туфли и красное платье. Погоди, я вырасту — подарю тебе шёлковую шаль, и совсем ты у нас будешь как грузинка.

— Ладно, ладно, проваливай! — улыбнулась мать. — Заверни себе на кухне две котлеты и булку. Ключ захвати, а то вернёшься — меня дома не будет.

Я быстро собрался. В левый карман затолкал свёрток, в правый сунул оловянный, но похожий на настоящий браунинг и выскочил во двор, куда как раз въезжала легковая машина.

Первой прибежала Феня, за ней Брутик. Мы важно сидели на мягких кожаных подушках, а маленькие ребятишки толпились вокруг машины и нам завидовали.

— Знаешь что, — покосившись на шофёра, сказала мне шёпотом Феня, — давай возьмём с собой Брутика. Посмотри, как он прыгает и вихляется.

— А твоя мама?

— Ничего. Она сначала не заметит, а потом мы скажем, что сами не заметили. Иди сюда, Брутик!.. Да иди ты, дурачок лохматый!

Схватив кутёнка за шиворот, она втащила его в кабину, затолкала в угол, закрыла платком и — такая хитрющая девка! — заметив подходившую мать,

стала пристально разглядывать электрический фонарик на потолке кабины.

Машина выкатилась за ворота, повернула и помчалась по шумной и встревоженной улице. Дул сильный ветер, и запах дыма уже заметно щипал ноздри.

* * *

На ухабистой дороге машину качало и подбрасывало. Кутёнок Брутик, высунув голову из-под платка, недоуменно прислушивался к тарахтению мотора.

По небу метались встревоженные галки. Пастухи громким щёлканьем бичей сердито сгоняли обеспокоенное и мычащее стадо. Возле одинокой сосны стояла стреноженная лошадь и, насторожив уши, нюхала воздух.

Промчался мимо нас мотоциклист. И так быстро летела его машина, что только успели мы обернуться к заднему окошечку, как он уже показался нам маленьким-маленьким, как шмель или даже как простая муха.

Мы подъехали к опушке высокого леса, и тут красноармеец с винтовкой загородил нам дорогу.

— Дальше нельзя, — предупредил он, — поворачивайте обратно.

— Можно, — ответил шофёр, — это жена лётчика Федосеева.

— Хорошо, — сказал тогда красноармеец, — вы подождите.

Он вынул свисток и, вызывая начальника, дважды свистнул.

Пока мы ожидали, подошли ещё двое военных. Они держали на привязи огромных собак. Это были ищейки из отряда охраны — Ветер и Лютта.

Я поднял Брутика и сунул его в окошко. Увидев таких страшил, он робко вильнул хвостиком. Но Ветер и Лютта не обратили на него никакого внимания.

Подошёл человек без винтовки, с наганом. Узнав,

что это едет жена лётчика Федосеева, он приложил руку к козырьку и, пропуская нас, махнул рукой часовому.

— Мама, — спросила Феня, — отчего если едешь просто, то тогда нельзя, а если скажешь «жена лётчика Федосеева», то тогда можно? Хорошо быть женой Федосеева. Правда?

— Молчи, глупая! — ответила мать. — Что ты городишь, и сама не знаешь!

Запахло сыростью. В просвет между деревьями мелькнула вода. И вот оно раскинулось справа — длинное и широкое озеро Куйчук.

Странная, невиданная картина открылась перед нашими глазами. Дул ветер, белыми барашками пенились волны озера, а на далёком противоположном берегу ярким пламенем горел лес. Даже сюда, через озеро, за километр, вместе с горячим воздухом доносился гул и треск.

Охватывая хвою смолистых сосен, пламя мгновенно взвивалось к небу и тотчас же падало на землю. Оно крутилось волчком понизу и длинными жаркими языками лизало воду озера. Иногда валилось дерево, и тогда от его удара поднимался столб чёрного дыма, но тут же налетал ветер и рвал его в клочья.

— Там подожгли ночью, — хмуро объяснил шофёр. — Их давно бы изловили собаками, но огонь замёл следы, и Лютте трудно работать.

— Кто зажёг? — шёпотом спросила меня Феня. — Разве это зажгли нарочно?

— Злые люди, — тихо ответил я. — Они хотели бы сжечь всю землю.

— И они скоро сожгут?

— Ещё что! А ты видела наших с винтовками? Их переловят быстро.

— Их переловят, — поддакнула Феня. — Только скорей бы, а то жить страшно. Правда, Володя?

— Это тебе страшно, а мне нисколько. У меня папа на войне был, и то не боялся.

— Так ведь то папа... И у меня тоже папа...

Машина вырвалась из лесу, и мы очутились на большой поляне, где раскинулся аэродром.

Фенина мать приказала нам вылезти и не отходить далеко, а сама пошла к дверям большого бревенчатого здания.

И когда она проходила, то все лётчики, механики и все люди, что стояли у крыльца, разом притихли и молча с ней поздоровались.

Пока Феня бегала с Брутиком вокруг машины, я притёрся к кучке людей и из их разговора понял, что Фенин отец, лётчик Федосеев, на лёгкой машине вылетел вчера вечером обследовать район лесного пожара. Но вот уже прошли почти сутки, а он ещё не возвращался.

Значит, с машиной случилась авария или у неё была вынужденная посадка. Но где? И счастье, если не в том краю, где горел лес, потому что за сутки огонь разметало почти на двадцать квадратных километров.

Тревога! Нашу границу перешли три вооружённых бандита! Их видел конюх совхоза «Истра».

Но выстрелами вдогонку они убили его лошадь, ранили самого в ногу, и поэтому конюх добрался до окраины нашего посёлка так поздно.

Разгневанный и взволнованный, размахивая своим оловянным браунингом, я шагал по полю до тех пор, пока не стукнулся лбом об орден на груди высокого человека, который шёл к машине вместе с Фениной матерью.

Сильной рукой человек этот остановил меня. Посмотрел на мой оцарапанный лоб и вынул из моей руки оловянный браунинг.

Я смутился и покраснел.

Но человек этот не улыбнулся, не сказал ни одно-

го насмешливого слова. Он посмотрел, взвесил на своей ладони моё оружие. Вытер его о рукав кожаного пальто и вежливо протянул мне обратно.

Позже я узнал, что это был комиссар эскадрильи. Он проводил нас до самой машины и ещё раз повторил, что лётчика Федосеева беспрестанно ищут с земли и с воздуха.

* * *

Мы покатили домой.

Уже вечерело. Почуяв, что дело неладно, опечаленная Феня тихонько сидела в уголке, с Брутиком больше не играла. И наконец, уткнувшись матери в колени, она нечаянно задремала.

Теперь всё чаще и чаще нам приходилось замедлять ход и пропускать встречных.

Проносились грузовики, военные повозки. Прошла сапёрная рота. Промчался легковой красный автомобиль, не наш, а чей-то чужой — должно быть, какого-нибудь начальника из Иркутска.

И только что дорога стала посвободней, только что наш шофёр дал ходу, как вдруг что-то хлопнуло, и машина остановилась.

Шофёр слез, обошёл машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то железный зуб от грабель, и, вздохнув, заявил, что лопнула камера и ему придётся менять колесо.

Чтобы шофёру легче было поднимать машину домкратом, Фенина мать, я, а за мной и Брутик вышли.

Пока шофёр готовился к починке и доставал из-под сиденья разные инструменты, Фенина мать ходила по опушке, а мы с Брутиком забежали в лес и здесь, в чаще, стали бегать и прятаться. Если он меня долго не находил, то от страха начинал выть ужасно.

Мы заигрались. Я запыхался, сел на пенёк и задумался. Услышав далёкий гудок, я подскочил и, кликнув Брутика, помчался.

Однако через две-три минуты я остановился, сообразив, что это гудела никак не наша машина. У нашей звук был многоголосый, певучий, а эта рявкала грубо, как грузовик. Тогда я повернул вправо и, как мне показалось, направился прямо к дороге.

Издалека донёсся сигнал. Теперь уже гудела наша машина. Но откуда, я не совсем понял.

Круто повернув ещё правей, я побежал изо всех сил.

Путаясь в траве, маленький Брутик скакал за мной.

Если бы я не растерялся, я должен был бы стоять на месте или продвигаться потихоньку, выжидая новых и новых сигналов. Но меня охватил страх. С разбегу я врезался в болотце, кое-как выбрался на сухое место. Чу, опять сигнал! Мне нужно было повернуть обратно. Но, опасаясь топкого болотца, я решил обойти его, завертелся, закрутился и, наконец, напрямик, через чащу, в ужасе понёсся куда глядели глаза.

* * *

Уже давно скрылось солнце. Огромная, меж облаков сверкала луна. А дикий путь мой был опасен и труден. Теперь я шёл не туда, куда мне было надо, а шагал там, где дорога была полегче.

Молча и терпеливо бежал за мной Брутик. Слёзы давно были выплаканы, горло от криков и ауканья охрипло, лоб был мокрый, фуражка пропала, а поперёк щеки моей тянулась кровавая царапина.

Наконец, измученный, я остановился и опустился на сухую траву, что раскинулась по вершине отлогого песчаного бугра. Так лежал я неподвижно до тех пор, пока не почувствовал, что передохнувший Брутик с ожесточённым упорством тычется носом в мой живот и нетерпеливо царапает меня лапой. Это он учуял в моём кармане свёрток и требовал еды. Я отломил ему кусок булки, дал полкотлеты. Нехотя сжевал осталь-

ное сам, потом разгрёб в тёплом песке ямку, нарвал немножко сухой травы, вынул свой оловянный браунинг, прижал к себе кутёнка и лёг, решив ждать рассвета не засыпая.

В чёрных провалах меж деревьями, в неровном, неверном свете луны всё мне чудились то зелёные глаза волка, то мохнатая морда медведя. И казалось мне, что, прильнув к толстым стволам сосен, повсюду затаились чужие и злобные люди. Проходила минута, другая — исчезали и таяли одни страхи, но со всех сторон возникали другие.

И так этих страхов было много, что, отвертев себе шею, вконец ими утомлённый, я лёг на спину и стал смотреть только в небо.

Хлопая посоловелыми глазами, чтобы не заснуть, я принялся считать звёзды. Насчитал шестьдесят три штуки, сбился, плюнул и стал следить за тем, как чёрная, похожая на бревно туча нагоняет другую и хочет ударить ей прямо в широко открытую зубастую пасть. Но тут вмешалось третье, худое, длинное облако, и своей кривой лапой оно взяло да и закрыло светлый фонарь луны.

Стало темно, а когда просветлело, то ни тучи-бревна, ни зубастой тучи уже не было, а по звёздному небу плавно летел большой самолёт.

Широко распахнутые окна его были ярко освещены. За столом, отодвинув вазу с цветами, сидела над своими чертежами моя мама и изредка поглядывала на часы, удивляясь тому, что меня так долго нет.

И тогда, испугавшись, как бы она не пролетела мимо моей лесной поляны, я выхватил свой оловянный браунинг и выстрелил. Дым окутал всю поляну, залез мне в нос и в рот. И эхо от выстрела, долетев до широких крыльев самолёта, дважды звякнуло, как железная крыша под ударом тяжёлого камня.

Я вскочил на ноги.

Уже светало. Оловянный браунинг мой валялся

на песке. Рядом с ним сидел Брутик и недовольно крутил носом, потому что переменившийся за ночь ветер пригнал на поляну струю угарного дыма. Я прислушался. Впереди, вправо, брякало железо. Значит, сон мой был не совсем сон. Значит, впереди были люди, и, следовательно, бояться мне было нечего.

В овраге, по дну которого бежал ручей, я напился. Вода была совсем тёплая, почти горячая, пахла смолой и сажей. Очевидно, истоки ручья находились где-то в полосе огня.

За оврагом начинался невысокий лиственный лес, из которого всё живое при первом же запахе дыма убралось прочь, и только одни муравьи, как и всегда, тихо копошились возле своих рыхлых построек да серые лягушки, которым всё равно посуху не ускакать далеко, скрипуче квакали у зелёного болота.

Обогнув болото, я попал в чащу. И вдруг совсем неподалёку я услышал три резких удара железом о железо, как будто бы кто-то бил молотком по жестяному днищу ведёрка.

Осторожно двинулся я вперёд. Мимо деревьев со сломанными, точно срезанными верхушками, мимо свежих ветвей листвы и сучьев, которыми густо была усыпана земля, я вышел на крохотную полянку. И здесь как-то боком, задрав нос и закинув крыло на ствол погнувшейся осины, торчал самолёт. Внизу, под самолётом, сидел человек. Стальным гаечным ключом он равномерно колотил по металлическому кожуху мотора.

И этот человек был Фенин отец — лётчик Федосеев.

* * *

Ломая ветки, я продрался к нему и его окликнул. Он отбросил гаечный ключ. Повернулся в мою сторону всем туловищем (встать он, очевидно, не мог) и, внимательно оглядев меня, удивлённо спросил:

— *Это вы?— не зная, как начать, сказал я.*

— Гей, чу́дное виденье! Из каких небес по мою душу?

— Это вы? — не зная, как начать, сказал я.

— Да, это я. А это... — он ткнул пальцем в опрокинутый самолёт, — это лошадь моя. Дай спички. Народ близко?

— Спичек у меня нет, Василий Семёнович, а народу никакого нет тоже.

— Как нет? О чёрт! — И лицо его болезненно перекосилось, потому что он тронул с места укутанную тряпкой ногу. — А где же народ, люди?

— Людей нет, Василий Семёнович. Я один, да вот... моя собака.

— Один? Гм... Собака? Ну у тебя и собака!.. Так что же, скажи на милость, ты здесь один делаешь? Грибы жареные собираешь, золу, уголья?

— Я ничего не делаю, Василий Семёнович. Я мчался, вдруг слышу — брякает. Я и сам думал, что тут люди. А это вы, оказывается. А вас все ищут, ищут...

— Та-ак, люди... А я, значит, уже не «люди». Отчего это у тебя вся щёка в крови? Возьми банку, смажь йодом да кати-ка ты, милый, во весь дух к аэродрому. Скажи там поласковей, чтобы скорей за мной послали. Они меня ищут бог знает где, а я-то совсем рядом. Чу, слышишь? — И он потянул ноздрями, принюхиваясь к сладковато-угарному порыву ветра.

— Это я слышу, Василий Семёнович, только я никуда дороги не знаю. Я, видите ли, и сам заблудился.

— Фью, фью! — присвистнул лётчик Федосеев. — Ну, тогда, как я вижу, дела у нас с тобой плохи, товарищ. Ты в бога веруешь?

— Что вы, что вы! — удивился я. — Да вы меня, Василий Семёнович, наверно, не узнали? Я же Володька. В вашем дворе живу, в сто двадцать четвёртой квартире.

— Ну вот, Володька: ты нет и я нет. Значит, на чудеса нам надеяться нечего. Залезь-ка ты на то дерево и, что оттуда увидишь, про то мне расскажешь.

Через пять минут я уже был на самой вершине. Но с трёх сторон я видел только лес, лес... А с четвёртой, километрах в пяти от нас, из лесу поднималось облако дыма и медленно продвигалось в нашу сторону.

Ветер был неустойчивый, неровный, и каждую минуту он мог рвануть во всю силу.

Я слез и рассказал обо всём этом лётчику Федосееву.

Он взглянул на небо: небо было неспокойное.

Лётчик Федосеев задумался.

— Послушай, — спросил он, — ты карту знаешь?

— Знаю, — ответил я, — Москва, Ленинград, Минск, Киев, Тифлис...

— Эх, ты, хватил в каком масштабе! Ты бы ещё начал: Европа, Америка, Африка, Азия. Я тебя спрашиваю: если я тебе по карте начерчу дорогу, ты разберёшься?

Я замялся:

— Не знаю, Василий Семёнович. У нас это по географии проходили, да я что-то плохо...

— Эх, голова! То-то, «плохо»... Ну ладно, раз плохо, тогда лучше и не надо. Вот, смотри. — Он вытянул руку. — Отойди на поляну дальше. Повернись лицом к солнцу. Теперь повернись так, чтобы солнце светило тебе как раз в край левого глаза. Это и будет твоё направление. Подойди и сядь.

Я подошёл и сел.

— Ну, говори, что́ понял?

— Чтобы солнце сверкало в край левого глаза, — неуверенно начал я.

— Не сверкало, а светило. От сверкания глаза ослепнуть могут. И запомни: что бы тебе в голову ни

втемяшилось, не вздумай свернуть с этого направления в сторону, а кати всё прямо да прямо до тех пор, пока километров через семь-восемь ты не упрёшься в берег реки Кальвы. Она тут, и деваться ей некуда. Ну, а на Кальве, у Четвёртого яра, там всегда народ: там рыбаки, косари, охотники... Кого первого встретишь, к тому и кидайся. А что сказать...

Тут Федосеев посмотрел на разбитый самолёт, на свою неподвижную, укутанную тряпками ногу, понюхал угарный воздух и покачал головой.

— А что сказать им... ты и сам, я думаю, знаешь.

Я вскочил.

— Постой! — сказал Федосеев. Он вынул из бокового кармана бумажник и протянул его мне: — Возьмёшь с собой.

— Зачем? — не понял я.

— Возьми, — повторил он. — Я могу заболеть, потеряю. Потом отдашь мне, когда встретимся. А не мне, так моей жене или нашему комиссару.

Это мне совсем не понравилось, и я почувствовал, что к глазам моим подкатываются слёзы, а губы у меня вздрагивают.

Но лётчик Федосеев смотрел на меня строго, и поэтому я не посмел его ослушаться. Я положил бумажник за пазуху, затянул покрепче ремень и свистнул Брутика.

— Постой! — опять задержал меня Федосеев. — Если ты раньше моего увидишь кого-либо из НКВД или нашего комиссара, то скажи, что в районе пожара, на двадцать четвёртом участке, позавчера, в девятнадцать тридцать, я видел трёх человек. Думал — охотники. Когда я снизился, то с земли они ударили по самолёту из винтовок, и одна пуля пробила мне бензиновый бак. Остальное всё будет понятно. А теперь, герой, ну, вперёд двигай!

* * *

Тяжёлое дело — спасая человека, бежать через чужой, угрюмый лес к далёкой реке Кальве, без дорог, без тропинок, а выбирая путь только по солнцу, которое должно неуклонно светить в край левого глаза.

Часто по пути мне приходилось обходить непролазную гущу, крутые овражки, сырые болота. Если бы не строгое предупреждение Федосеева, я десять раз успел бы сбиться и заблудиться, потому что частенько казалось мне, что солнце солнцем, а я бегу уже назад, прямо к месту моей вчерашней ночёвки.

Но так упорно продвигался я вперёд и вперёд, изредка останавливаясь, вытирал мокрый лоб и гладил глупого Брутика, который, вероятно, от страха катил за мной, не отставая, и, высунув длинный язык, печально глядел на меня ничего не понимающими глазами.

Через час подул резкий ветер, серая мгла наглухо затянула небо. Некоторое время солнце ещё слабо обозначалось пятном, туманным и расплывчатым, потом и это пятно совсем растаяло.

Я продвигался быстро и осторожно. Но через короткое время почувствовал, что начинаю плутать.

Небо надо мной сомкнулось, хмурое, ровное. И не то что в левый, а даже в оба глаза я не мог различить на нём ни малейшего просвета.

Прошло ещё часа два. Солнца не было. Кальвы не было, сил не было и даже страха не было, а была только сильная жажда, усталость, и я наконец повалился в тень, под кустом ольхи.

«И вот она, жизнь! — закрыв глаза, думал я. — Живёшь, ждёшь. Вот, мол, придёт какой-нибудь случай, приключение, тогда я... я... А что я? Там разбит самолёт. Туда ползёт огонь. Там раненый лётчик ждёт помощи. А я, как колода, лежу на траве и ничем помочь ему не в силах».

Звонкий свист пичужки раздался где-то совсем близко. Я вздрогнул. «Тук-тук! Тук-тук!» — послышалось сверху. Открыв глаза, почти у себя над головой, на стволе толстого ясеня, я увидел дятла.

Тут только я заметил, что лес этот уже не глухой и не мёртвый. Здесь кружились над поляной жёлтые и синие бабочки, блистали стрекозы и неумолчно трещали кузнечики.

И не успел я приподняться, как мокрый, словно мочалка, Брутик кинулся мне прямо на живот, подпрыгнул и затрясся, широко разбрасывая холодные мелкие брызги, — он где-то выкупался.

Я вскочил, бросился в кусты и радостно вскрикнул, потому что и всего-то шагах в сорока от меня в блеске сумрачного дня катила свои серые волны широкая река Кальва.

Я подошёл к берегу и огляделся. Ни справа, ни слева, ни на воде, ни на берегу никого не было. Не было ни жилья, ни людей, не было ни рыбаков, ни сплавщиков, ни косарей, ни охотников. Вероятно, я забрал очень круто в сторону от того Четвёртого яра, на который я должен был выйти по указанию лётчика Федосеева. Но на противоположном берегу, на опушке леса, не меньше чем за километр отсюда клубился дымок, и там, возле маленького шалаша, стояла запряжённая в телегу лошадь.

Острый холодок пробежал по моему телу. Руки и шея покрылись мурашками, плечи передёрнулись, как в лихорадке, потому что я понял, что мне нужно будет переплывать Кальву. Я же плавал плохо. Правда, я мог переплыть пруд, тот, что лежал в посёлке позади кирпичных сараев. Больше того, я мог переплыть его даже туда и обратно. Но это только потому, что даже в самом глубоком месте вода доставала не выше подбородка.

Я стоял и молчал. По воде плыли щепки, ветки, куски сырой травы и клочья пухлой пены.

И я знал, что, раз нужно, я переплыву Кальву — она не так широка, чтобы я выбился из сил и задохнулся. Но я знал и то, что сто́ит мне на мгновение растеряться, испугаться глубины, хлебнуть глоток воды, и я пойду ко дну, как это со мной было год тому назад на совсем неширокой речонке Лугарке.

Я подошёл к берегу, вынул из кармана тяжёлый оловянный браунинг, повертел его и швырнул в воду.

Браунинг — это игрушка, а теперь мне было не до игры.

Ещё раз посмотрел я на противоположный берег, зачерпнул пригоршню холодной воды. Глотнул, чтобы успокоилось сердце. Несколько раз глубоко вздохнул, шагнул в воду. И чтобы не тратить даром сил, по отлогому песчаному скату шёл я до тех пор, пока вода не достигла мне до подбородка.

Дикий вой раздался за моей спиной. Это, как сумасшедший, скакал по берегу Брутик.

Я поманил его пальцем, откашлялся, сплюнул и, оттолкнувшись ногами, стараясь не брызгать, поплыл.

Теперь, когда голова моя была над водой низко, противоположный берег показался мне очень далёким, и, чтобы не пугаться, я опустил глаза на воду.

Так, полегоньку, уговаривая себя не волноваться, а главное, не торопиться, взмах за взмахом продвигался я вперёд.

Вот уже и вода похолодела, прибрежные кусты побежали вправо — это потащило меня течение. Но я это предвидел и поэтому не испугался. Пусть тащит. Моё дело — спокойней, раз, раз... вперёд и вперёд... Берег понемногу приближался, уже видны были серебристые, покрытые пухом листья осинника, и вода стремительно несла меня к песчаному повороту.

Выбиваясь из последних сил, сбоку ко мне подплывает Брутик.

Ничего плохого в этом пока не было.

Вдруг позади себя я услышал голоса. Я хотел повернуться, но не решился.

Потом за моей спиной раздался плеск, и вскоре я увидел, что, высоко подняв морду и отчаянно шлёпая лапами, выбиваясь из последних сил, сбоку ко мне подплывает Брутик.

«Ты смотри, брат! — с тревогой подумал я. — Ты ко мне не лезь, а то потонем оба».

Я рванулся в сторону, но течение столкнуло меня назад, и, воспользовавшись этим, проклятый Брутик, больно царапаясь когтями, полез ко мне прямо на шею.

«Теперь пропал! — окунувшись с головой в воду, подумал я. — Теперь дело кончено!»

Фыркая и отплёвываясь, я вынырнул на поверхность, взмахнул руками и тотчас же почувствовал, как Брутик с отчаянным визгом лезет мне на голову.

Тогда, собравши последние силы, я отшвырнул Брутика, но тут в рот и в нос мне ударила волна. Я захлебнулся, бестолково замахал руками и опять услышал на оставленном мною берегу голоса, шум и лай.

Тут налетела ещё волна, опрокинула меня с живота на спину, и последнее, что я помню, — это луч солнца сквозь тучи и чью-то страшную морду, которая, широко открыв зубастую пасть, кинулась мне на грудь.

* * *

Как узнал я позже, два часа спустя после того, как я ушёл от лётчика Федосеева, по моим следам от проезжей дороги собака Лютта привела людей к лётчику. И, прежде чем попросить чего-либо для себя, лётчик Федосеев показал им на покрытое тучами небо и приказал догонять меня.

В тот же вечер другая собака, по прозванию Ветер, настигла в лесу трёх вооружённых людей. Тех, что перешли границу, чтобы сжечь леса, а с ними и наш новый большой завод.

Одного из них убили в перестрелке, двоих схватили. Но и им — мы знали — пощады не будет.

* * *

Я лежал дома в постели.

Под одеялом было тепло и мягко. Привычно стучал будильник. Из-под крана на кухне брызгала вода. Это умывалась мама. Вот она вошла и сдёрнула с меня одеяло.

— Вставай, хвастунишка! — сказала она, терпеливо расчёсывая гребешком свои густые чёрные волосы. — Я вчера зашла к вам на собрание и от дверей слышала, как это ты разошёлся. «Я вскочил», «я кинулся», «я рванулся»... А ребятишки, глупые, сидят, уши развесили. Думают — и правда.

Но я хладнокровен.

— Да, — с гордостью говорю я, — а ты попробуй-ка, переплыви в одежде Кальву!

— Хорошо «переплыви», когда тебя самого из воды собака Лютта за рубашку вытащила! Уж ты бы лучше, герой, помалкивал. Я у Федосеева спрашивала. «Прибежал, говорит, ваш Володька ко мне бледный, трясётся... У меня, говорит, по географии «плохо». Насилу-насилу уговорил я его бежать к реке Кальве».

— Ложь! — Лицо моё вспыхивает, я вскакиваю и гневно гляжу в глаза матери.

Но тут я вижу, что это она просто смеётся, что под глазами у неё ещё не растаяла бледно-синеватая дымка. Значит, совсем недавно крепко она обо мне плакала. И только не хочет в этом сознаться. Такой уж у неё, в меня, характер.

Она ерошит мне волосы и говорит:

— Вставай, Володька. За ботинками сбегай. Я до сих пор так и не успела.

Она берёт свои чертежи, готовальню, линейки и идёт готовиться к зачёту.

* * *

Я бегу за ботинками, но во дворе, увидав меня с балкона, отчаянно визжит Феня.

— Иди! — кричит она. — Да иди же скорей, тебя зовёт папа!

«Ладно, — думаю я, — за ботинками успею».

И поднимаюсь наверх.

Наверху Фенька с разбегу хватает меня за ноги и тянет к отцу в комнату. У него вывих ноги, и он лежит в постели забинтованный. Рядом с лекарствами возле него на столике лежат острый ножик и стальное шило. Он над чем-то работал. Он здоровается со мной и расспрашивает меня о том, как я бежал, как заблудился и как снова нашёл реку Кальву.

Потом он суёт руку под подушку и протягивает мне похожий на часы блестящий никелированный компас с крышкой, с запором и с вертящейся фосфорной картушкой.

— Возьми, — говорит он, — учись разбирать карту. Это тебе от меня на память.

Я беру. На крышке аккуратно обозначен год, месяц и число. То самое, когда я встретил Федосеева в лесу у самолёта. Внизу надпись: «Владимиру Курнакову от лётчика Федосеева».

Я стою молча. Погибли! Погибли теперь без возврата все мальчишки нашего двора. И нет им от меня сожаленья, нет пощады!

Я жму лётчику руку и выхожу к Фене. Мы стоим с ней у окна, и она что-то бормочет, бормочет, а я не слышу и не слышу.

Наконец она дёргает меня за рукав и говорит:

— Всё хорошо, только жаль бедного: он утонул, Брутик!

Да, Брутика жаль и мне. Но что поделаешь: раз война, так война.

— Если бы мы тогда не запихали ему в рот конфету, он бы к нам не привязался, — печально говорит Феня.

— Кто знает, — утешаю её я, — а может быть, тогда пришли бы собачники, поддели бы его крюком, посадили в ящик и потом содрали с него шкуру. Вот тебе и другая гибель. И разве она лучше?

Через окно нам видны леса. Огонь потушен, и только кое-где подымается дымок. Но и там заканчивают своё дело последние бригады.

Через окно виден наш огромный завод, тот самый, на котором работает почти весь наш новый посёлок.

Около завода в два ряда протянута колючая проволока. А по углам под деревянными щитами день и ночь стоят часовые.

Даже отсюда нам с Феней слышно бряцание цепей, лязг железа, гул моторов и тяжёлые удары парового молота. Что на этом заводе делают, мы не знаем. А если бы и знали, так не сказали бы никому.

Для начальной школы

Гайдар Аркадий Петрович

ДЫМ В ЛЕСУ

Ответстаенный редактор *Л. Г. Тихомирова.*
Художествениый редактор *Г. С. Вебер.*
Техиический редактор *З. М. Кузьмина.*
Корректор *Т. П. Лейзерович.*
Сдаио в набор 25/I 1963 г. Подписаио к печати 2/III 1963 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. 2 печ. л. (1,35 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз.
ТП 1962 № 213. Цеиа 5 коп.
Детгиз. Москаа, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской киити Детгиза.
Москаа, Сущевский аал, 49 Заказ № 4191.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В серии «Школьная библиотека» в 1963 году вышли и выходят в свет следующие книги:

РАССКАЗЫ О В. И. ЛЕНИНЕ.

Сборник.

Гайдар А.

ЧЕТВЕРТЫЙ БЛИНДАЖ.

Рассказ о том, как трое ребят во время учений красноармейцев случайно попали в блиндаж

Гаврилов П.

ЕГОРКА.

Повесть о советских моряках и о забавных приключениях жившего у них медвежонка Егорки

Толстой А.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО.

Повесть-сказка о приключениях деревянного человечка.

Цена 5 коп.